

«Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротой, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в «Московском телеграфе». Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны».

А. Пушкин. «Путешествие в Арзрум»

ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

У Виктора Молчанова все особенное. Даже пес - редкостный ризеншнауцер с профессорской бородкой клинышком по кличке Саншайн. В минуты особой душевной расположенности Молчанов кличет его просто: «Солнечный!» И пес отзывается радостным лаем. А в дни веселых праздничных застолий, на которые жизнь с каждым годом все скупее, четвероногий бородатый друг превращается просто в Саню...

Каждое утро Саня будит хозяина, стаскивая одеяло с постели. Мол, пора приниматься за дело, хватит нежиться. Впрочем, дел у Вити, обретшего недавно покой на заслуженной пенсии, не так уж много: на хлеб-чай хватает. Времени поворошить прошлое, поразмышлять, поколдовать над чертежом очередной хитроумной машины, коих без счета породил на свет божий этот известный московский изобретатель, механик, художник, философ, - предостаточно. Позади - большая, не похожая ни на чью другую своя жизнь. Впереди - вечность. Куда спешить?

Впрочем, Саня деликатен. И если видит, что Витю даже иерихонские трубы не поднимут, то трется профессорской бородкой о пяточку хозяина, скулит и исчезает за приоткрытой дверью. И, наверное, думает: всю ночь промаялся, бедный, паял, вырезал, прикидывал на глаз чего-то. Что ему как всем обычным людям-то не жидется?..

И спит Молчанов до полудня, до того часа, когда в дальнем углу коммуналки не оживет «Космическая балерина» - его, Витино, изобретение. Начнет она выделывать замысловатые па, зазвучит хрустальная музыка, раздастся бой напольных часов, залает Саншайн - хочешь не хочешь, а проснешься. «Какой сегодня день?» - зашаркает Витя туфлями в соседнюю комнату - кабинет господина Хроноса. Там уникальные, единственные в мире часы, созданные его руками. А над часами крутятся со скоростью Земли и Луны глобусы этих небесных тел. «Ну вот, все в порядке, - замечает Витя. - Земной шарик пока еще вертится - значит, можно идти завтракать...»

ЛЕТУН В ГЕНЕРАЛЬСКИХ ПОГОНАХ

...Молчанов - человек странный. Все люди как люди, идут себе по жизни проторенной стезей-дорожкой. А он все обобщаю, все по обочине...

В середине пятидесятых заделался стилигой, нацепил галстук с обезьянкой. В армии чуть было не загремел в дисциплинарный батальон за самоволку. Но вмешалась судьба... Сменился командир части. Ему доложили: есть тут у нас один москвич-расстрига, совершенно неуправляемый. Что с ним делать? Тот: «Уволить! Немедленно!» Собрал Витя вещи и уехал. А днем позже из штаба округа в часть, где служил Молчанов, пришла телефонограмма: «Судить показательным судом». «Бог меня спас, - вспоминает Витя. - С того времени я поверил в свою судьбу. Значит, я зачем-то нужен. Но зачем?..»

Вот это «зачем» долго его мучило. И когда поступил на физфак МГУ, чтобы

позднее, чуть ли не перед дипломом, громко хлопнуть дверью...

И завертела, закутила Молчанова жизнь. Вот она вся - уместилась в трехтомнике трудовых книжек. Был наладчиком электропечей. Работал лаборантом, дворником, старшим инженером, учеником электромонтера, слесарем, токарем, гальваником, художником-макетчиком, реставратором мебели (чем, кстати, и зарабатывает сейчас на жизнь). Даже пожарником в театре умудрился поработать. Шутит: «Пожалуй, только пекарем не был». А завершил свою карьеру в кочегарке банно-прачечного комбината. Откуда после развала СССР в 1991 году и выбрался на свет божий. О себе, ничуть не рисуясь (а человек он по жизни очень скромный), говорит, что он генерал среди летунов, вернее, летун с генеральскими погонями.

Молчанов бы тоже мог схватить за хвост жар-птицу удачи. Но все время боялся обжечь руки. «Либо золотую рыбку ловить, либо - творить. Последнее - интересней», - рассуждает Витя. Нет, он не чужд признания, успеха, славы, словом, ничего человеческого. Но... Приезжал к нему Станислав Говорухин, только-только задумавший снять печально-знаменитый фильм «Так жить нельзя». Нужен был пролог, нужна была машина времени, которая вернула бы зрителей к ощущениям людей эпохи сороковых-пятидесятых. У Молчанова машина времени была. Не всамделишная, конечно, а воплощенная в сложной механике и эстетически совершенной конструкции. Но художественный образ, созданный Ви-

тей, показался Говорухину слишком прекрасным. Потому-то от него он и отказался, предпочтя ему забытую железнодорожную ветку где-то на Севере, по которой прямой путь к архипелагу ГУЛАГ. Но молчановские образы тоже из сороковых-пятидесятых годов выросли. Странные, так несозвучные эпохе маршей и социализма...

Поколение, рожденное той эпохой, как правило, мыслит штампами. У Вити - свое мышление. Он всматривается в глубь тысячелетий и разноликих цивилизаций, чтобы отыскать в них что-то родственное тревожному духу рубежа исторических и календарных эпох...

Вот эту особую молчановскую «чуждинку» и подметили в нем режиссер Татьяна Чумакова и сценарист Алексей Голубев, когда решили снять на Студии документального кино фильм о потерянном поколении - художниках андеграунда.

Три героя в своем подполье пытаются познать окружающий мир через творчество. Это одновременно и побег от реальности, и какая-то неосознанная до конца попытка преобразить окружающий мир. По замыслу сценариста, Молчанов появляется сначала в своем обычном «рубашке» - замасленной блузе, потертых джинсах. Глаз кинокамеры долго блуждает в потемках молчановского подъезда с разбитыми лампочками, наконец нащупывает в полутьме абрис номерной таблички на коммуналке, где живет художник... Проходит минута - и зритель оказывается в молчановской «зале», обставленной изумительной старинной мебелью, дивными огромными

часами. В середине - чудо техники, «машина времени». Витя подходит к ней, включает двигатель - и на экране московская квартира конца XIX века. У камина сидит сам Молчанов в старинном клубном костюме с серебряными пуговицами (он их сделал сам, а костюм заказывали портному) и с кем-то разговаривает по старинному телефону, современнику эпохи газовых фонарей...

Несколько лет назад побывал в гостях у Вити лорд-мэр города Кентербери Пат Бюрк. В Москву он пожаловал с визитом, но после официальной части вместо традиционного Большого театра решил заглянуть в молчановскую коммуналку. «Как он обо мне узнал? Кто его навел? - Витя пожимает плечами. - Я, конечно, обрадовался. Кентерберийский мэр - отличный мужик, сам в прошлом художник-литейщик...» Пат Бюрк осмотрел Витины машины и воскликнул в порыве удивления: «Да вы великий механик!» «Летун я, - поскромничал Молчанов. - Везде «полетал», вот мастерства и поднабрался...»

Пат Бюрк оказался человеком очень даже от мира сего. Дом молчановский в немецкой слободе старый, лет пятнадцать уже дожидается сноса... Молчанов - тоже немолод, скоро, как говорится, паковать чемоданы... А машины? Что с ними будет? «У нас в Кентербери - отличный городской музей. Продайте ваши произведения. Мы их сохраним для потомков. У вас же они пропадут...» Пат Бюрк - человек искренний, без задних мыслей. Хотел помочь. В том числе и материально. Но продать свои машины в Англию Молчанов отказался. Наотрез. «Пусть будет у нас музей, в Москве, в России», - парировал он.

ЧАС ВОЛКА

В конце 1960-х годов собрался как-то Молчанов с двумя дамами в Большой театр. Дамы - в белых перчатках. Сам нацепил галстук, белоснежную манишку, дорогой костюм. Решили сократить дорогу - пройти дворами, мимо помойки. «Видю, - рассказывает Молчанов, - несколько старых, обшарпанных обломков эпохи Екатерины II. Облезлые, изъеденные временем деревянные. Их тогда просто выбрасывали на улицу или продавали за бесценок. Ловлю такси, грузу весь этот хлам, везу домой. Дамы в ужасе... В Большой театр я тогда не попал, зато такую красоту для себя отрыл, которая заворожала меня на всю жизнь».

Через год обломки превратились в прекрасные стулья. Затем купил в комиссионке древолом: диван, два стула, ореховый круглый стол, маленький диванчик-козетку. Пианино конца прошлого века досталось от старой бабки - через знакомых. Постепенно идея воссоздать интерьер старомосковской дворянской усадьбы приобрела у Молчанова самоудовлетворяющий характер. Долго не мог купить кровать. Четыре года спал на полу, на циновке (!), пока не подвернулись подходящие обломки. Теперь кровать - королевская. И стол письменный - тоже королевский, подобный я видел только в Доме-музее Льва Толстого.

«Я и сам задумывался, откуда же у меня стремление окунуться в атмосферу прошлого? - размышляет Витя. - Мама - убежденная коммунистка, в школу записан как сын рабочего...» И вот умирает дядя. «Он мне только перед смертью открыл, что я, Молчанов, оказывается, потомок Демидовых по тульской линии».

Прошлое манило, притягивало. Хотя одним глазком хотелось заглянуть в него. Как-то за новогодним застольем поспорил с друзьями, что смастерит «ма-

шину времени». Вернее, воплотит ее художественный образ. Что ж, назвался груздем - полезай в кузов. Но обстоятельства мешали. Дело в том, что Молчанов родился в коммуналке, вырос тоже в коммуналке, за всю свою жизнь переменил их почти с десяток, пока не осел наконец в немецкой слободе. Соседям были ненавистны и молчановская мебель, и молчановские машины, и молчановский образ жизни, а главное - не терпели шума. И судьба «машины времени» оказалась на волоске. По соседству жила старуха-алкоголичка. Встретив однажды Витю на лестнице, обронила: «Перебирайся ко мне. У меня две комнаты пустуют. Будешь работать спокойно». И Молчанов перебрался...

Старуха пила, водила компании окрестных пьяниц посмотреть на «своего» гения. А если он пытался сопротивляться, пьяная орава выламывала двери его комнаты и с диким ревом влетала к художнику. Спасение он находил в кочегарке банно-прачечного комбината... Но дороги назад, в старую квартиру, уже не было. Комнату его заняли соседи: сын вернулся из армии, собирается жениться... А старуха каждый день скандалила: «Не принесешь водки - выгоню». Тут-то как раз и подоспела кампания борьбы за трезвость. Раньше 11 часов дня спиртное не продавали. Ровно в 11, когда на часах Театра Образцова открывалась дверка и высовывался волк, Молчанов несся в винный магазин. Московские алкоголики метко окрестили это время суток часом волка.

«МАШИНА ВРЕМЕНИ»

«Каждый человек, - говорит Витя, - тоже «машина времени»: помнит, что было секунду, месяц, год, десятилетие назад, но сам при этом шагает в будущее».

Рассказывать о его машинах - вещь неблагоприятная. Они всегда удивляют, как улыбка ребенка. Фазиль Искандер, побывавший в гостях у Молчанова, однажды заметил: «Глядя на его работы, не знаешь, чему больше удивляться - их эстетической красоте, инженерной изобретательности автора или философской идее, воплощенной в этих работах: органическое соединение далекого прошлого с будущим...»

«Машина времени», по замыслу ее создателя, раскрывает перед зрителем историю всей человеческой культуры. Первый период - дохристианский, второй - средневековье. Последний - рубеж XIX - XX веков - канун наступления технократии. Сверху - три планшета, иллюстрирующие апокалиптические времена. Еще выше - фигура звездочета, наблюдающего за движением космических тел. Вы подходите, вращаете сферу со знаками зодиака, а затем пускаете в ход «космический» диск с тремя парусными корабликами. Включается механизм «машины», вращаются цилиндры, иллюстрирующие развитие цивилизации, бежит стрелка. Вот она замерла перед фигурой рыцаря. Сам Молчанов считает, что это указывает на то, кем вы были в предыдущем воплощении...

Философия Молчанова эклектична. В ней мирно сосуществуют христианские представления, буддийские откровения и китайская философия. «Машина» тоже эклектична. Смешение стилей, эпох. Перекрестки истории. На них, считает Витя, минувшее раскрывается с самых неожиданных сторон.

Молчанов - странный художник. Он не выставляет и не продает своих работ. Хотя им созданы еще и «Оракул», и «Космическая балерина», и «Дерево жизни». Они - часть его души. Появись он на со-

«Клоун на празднике». Вова Чепурин, 12 лет